

31388

Miss. Acad. Sci. 1840

Dec. 1840

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page]

Richard Smith. 1713. No. 10

Richard Smith

31388
Кіевск. Унив. Извѣст. 1912. № 8.

8694

Демченко, Г. В.

Ломброзо и его значеніе для науки уголовного права.

Рѣчь, произнесенная 14 ноября 1909 г. въ соединенномъ собраніи Кіевского Юридическаго и Психіатрическаго Обществъ.

Въ лицѣ скончавшагося 6-го октября 1909-го года итальянскаго профессора Ц. Ломброзо наука потеряла не только извѣстнаго медика, антрополога, психолога и психіатра: въ его лицѣ понесла утрату также и наука права, потому что важная вѣтвь этой науки (право уголовное) существенно затрогивалась трудами какъ самого Ломброзо, такъ и созданной имъ школы. Поразительная энергія и трудолюбіе, талантъ и настойчивость, оригинальность и увлеченіе—вотъ тѣ качества, которыя сообщали дѣятельности Ломброзо особый размахъ, дѣлали его имя исключительно популярнымъ, ударамъ его критики придавали своеобразное значеніе. И какъ бы мы ни оцѣнивали положительное значеніе его новыхъ идей, часто парадоксальныхъ, необоснованныхъ и вполнѣ ненаучныхъ,—мы не можемъ не признать ряда заслугъ за нимъ и притомъ заслугъ не только отрицательныхъ, связанныхъ съ критикой господствующихъ уголовно-правовыхъ доктринъ, но и положительныхъ, углубляющихъ изученіе явленій преступности и средствъ въ борьбѣ съ нею общества.

Чтобы понять значеніе Ломброзо для науки уголовного права намъ слѣдуетъ выяснитъ:

1) Что представляла изъ себя эта наука, чѣмъ являлись ея типическія ученія до появленія работъ Ломброзо и его школы?

2) Какія новыя уголовно-правовыя теоріи создалъ Ломброзо, какія оригинальныя ученія разработалъ онъ относительно преступленія и относительно наказанія?

3) Какое научное значеніе имѣютъ эти теоріи Ломброзо и какое онѣ нашли признаніе, какая судьба ожидаетъ ихъ въ будущемъ?

I.

Въ теченіе первой половины XIX в. въ теоріи уголовного права встрѣчаются и борются разныя направленія. Среди нихъ мы можемъ отмѣтить нѣсколько идей, прослѣдить нѣсколько воззрѣній, которыя представляются особенно важными и характерными для своего времени. Къ числу такихъ идей относятся: признаніе преступленія истиннымъ предметомъ (объектомъ) уголовной репрессіи, а начала свободной и злой воли истиннымъ основаніемъ уголовного вмѣненія, при чемъ самое наказаніе рассматривается именно какъ средство борьбы съ такой свободной и злой волей—средство гуманное и исправительное, главная форма котораго—тюремное заключеніе разныхъ типовъ и системъ.

Уголовное право XV, XVI и XVII вв. обращало большое вниманіе на личность преступника „лихого человѣка“, а старая судебная практика слишкомъ злоупотребляла этимъ и часто низводила опредѣленія уголовного закона на степень необязательныхъ и по произволу измѣняемыхъ правилъ. Мыслители и политики XVIII в. въ борьбѣ со старыми предразсудками провозгласили иные принципы, которые и были положены въ основаніе возродившейся науки уголовного права и реформированнаго уголовного законодательства. Со времени Монтескье, Беккари, Вольтера твердо устанавливается принципъ *nullum crimen, nulla poena sine lege*. Во имя интересовъ гражданской свободы отъ уголовного закона требуютъ особенной опредѣленности и обстоятельности. Суды не только не могутъ и не должны наказывать произвольно, но имъ запрещается даже толковать законы, которые въ точности должны опредѣлять какъ составъ преступленій, такъ и назначаемыя за нихъ наказанія. Наказанія же должны быть указываемы въ формѣ безусловно-опредѣленной санкціи, не оставляющей никакого простора для судейскаго усмотрѣнія. Наказываетъ преступника не судья, а законъ. Граждане потому и свободны, что не боятся произвола и усмотрѣнія, а считаются только съ безстрастной и справедливой нормой закона. Судья

исполняетъ механическую роль посредника между закономъ и совершеннымъ дѣяніемъ: съ этой точки зрѣнія судебное разбирательство является простой логической операціей, умозаключеніемъ, гдѣ законъ служитъ большей посылкой, разрѣшаемое дѣло—меньшей, а рѣшеніе—логическимъ заключеніемъ, которое съ необходимостью вытекаетъ изъ установленныхъ посылокъ. Поэтому ясно, что предметомъ наказанія можетъ быть только дѣяніе и именно дѣяніе, точно предусмотрѣнное и предуказанное въ уголовномъ законѣ.

Но дѣяніемъ должно признавать не всякое дѣйствіе человѣка, а только такое дѣйствіе, которое вытекаетъ изъ его свободной воли, преступнымъ дѣяніемъ—такое, которое вытекаетъ изъ его свободной воли и притомъ злой воли. Теорія свободной и злой воли въ эту эпоху у крупныхъ представителей науки уголовного права (Кестлинь, Бернеръ) обосновывается съ точки зрѣнія философской метафизики Гегеля, откуда ее заимствуютъ, приспособляютъ къ ученіямъ уголовного права и популяризуютъ весьма многочисленные среди криминалистовъ послѣдователи Гегеля (у насъ въ Россіи представителемъ этого воззрѣнія уже въ эпоху 60-хъ годовъ былъ Власевъ въ своей работѣ „О вѣнненіи по началамъ теоріи и древняго русскаго права“). Свобода воли, говорятъ, есть непреложный фактъ нашего сознанія. Съ точки зрѣнія чистой и антропологической этики воля и свобода понятія тождественныя. Ихъ неперемѣннымъ предположеніемъ является надѣленное сознаніемъ „я“. Природа не думаетъ и не желаетъ. Поэтому думающее и желающее „я“ противопоставляется природѣ, какъ существенно отъ нея отличное. Моментами понятія воли являются: 1) абсолютная возможность для „я“ отрѣшиться отъ всякой опредѣленности, 2) поставленіе себѣ какого-нибудь опредѣленнаго содержанія, 3) самосознаніе „я“ въ этой опредѣленности, что можно было желать также и другого. Такъ какъ желаніе есть только другая сторона мышленія, то и абсолютный духъ долженъ самъ переходить отъ самопознанія къ самоосуществленію. Въ безконечности конечныхъ опредѣленій онъ отыскиваетъ свою всеобщность. Поэтому развитіе человѣческой свободы въ борьбѣ съ необходимостью, въ различной формѣ ей противоположной, можетъ быть понято только какъ моментъ въ развитіи абсолютной воли, являющейся цѣлью міра. Первая ступень въ развитіи воли есть воля естественная, которая только заключаетъ въ себѣ возможность свободы, но еще находится во власти естественныхъ побужденій.

Вторая ступень въ развитіи воли это—произволь, который проявляется въ томъ, что, осуществляясь въ условіяхъ конечной и причинно-обусловленной среды, воля свободно избираетъ свое содержаніе или въ согласіи со своей сущностью, или въ противорѣчій съ нею. На этой ступени развитія воля можетъ быть источникомъ добра и зла, хорошаго дѣянія и преступленія. Только съ такой волей имѣемъ мы дѣло, когда хвалимъ или порицаемъ поступки людей, награждаемъ или караемъ ихъ дѣянія. Третья ступень въ развитіи воли есть асолютная свобода, наступающая тогда, когда свое содержаніе воля почерпаетъ изъ своей сущности или изъ собственной субстанции. Такая воля не можетъ быть источникомъ дурного или преступнаго.

Какое же отношеніе и значеніе, какой смыслъ и оправданіе имѣетъ уголовная кара съ точки зрѣнія той злой воли, которая выражается во всякомъ преступномъ посягательствѣ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ XIX в. открывается споромъ двухъ направленій, глубоко повліявшихъ на науку уголовного права. Если криминалисты-гегеліанцы, играя словами и понятіями, удовлетворили только немногихъ съ помощью своей абсолютной теоріи наказанія (такъ наз. теорія діалектическаго возмездія), то, напротивъ, Фейербахъ и Грольманъ съ ихъ ученіями общаго и спеціальнаго предупрежденія сыграли въ высшей степени важную роль. Для одного воззрѣнія наказаніе имѣло смыслъ только какъ осуществленіе санкціи уголовного закона, который грозитъ зломъ и страданіемъ, чтобы подавить злую волю, могущую подъ вліяніемъ чувственныхъ стремленій къ удовольствію или наслажденію вступить на преступный путь: возможному удовольствію отъ преступленія противопоставляется страданіе отъ грозящей кары и тѣмъ у всякаго отнимается поводъ желать преступленія. Для другого воззрѣнія наказаніе есть мѣра подавленія опасной и злой воли въ самомъ преступникѣ, который своимъ преступленіемъ обнаруживаетъ, къ чему онъ способенъ и насколько онъ опасенъ: наказаніе поэтому имѣетъ значеніе не какъ угроза уголовного закона, но именно какъ угроза осуществленная, какъ наложенное на преступника взысканіе, чтобы отбить у него охоту впредь вступать на опасный путь преступленія.

Такъ оправдываемое наказаніе должно имѣть опредѣленные свойства. Въ установленіи этихъ свойствъ право и наука XIX в. слѣдуютъ по пути, который былъ намѣченъ мыслителями вѣка XVIII-го

(Беккарія, Говардъ). Излишняя суровость и жестокость казней отвергаются единодушно. Нѣкоторые виды наказанія все болѣе и болѣе вызываютъ возраженій (смертная казнь) и главное мѣсто въ системѣ наказаній отводится тюремному заключенію, одиночному или во всякомъ случаѣ усовершенствованному, гуманному, исправительному. О преступникѣ начинаютъ учить по-евангельски, какъ о падшемъ и заблудшемся братѣ, котораго должна исправить одиночная келья тюрьмы и особый пенитенціарный режимъ. Для нѣкоторыхъ (Штельцеръ, Гроосъ, Аренсъ, Редеръ) исправленіе является главной и единственной цѣлью всякаго уголовного наказанія.

Такія теорія мало-по-малу переходятъ въ жизнь и въ большей или меньшей степени отражаются на уголовномъ законодательствѣ, а равно и на организациі тюремнаго заключенія, какъ основной карательной мѣры во всѣхъ системахъ XIX в.

II.

Этимъ теоріямъ рѣзко противопоставилъ свою новую и оригинальную точку зрѣнія въ то время молодой еще итальянскій врачъ и ученый, Ц. Ломброзо. Начиная съ 1871 г. на страницахъ „Atti del Istituto Lombardo“ появляется его извѣстный трудъ „L'uomo delinquente“—изслѣдованіе о преступномъ чловѣкѣ въ отношеніи къ антропологии, юриспруденціи и тюремнымъ дисциплинамъ. Конечно у Ломброзо были свои предшественники не только среди медиковъ, но и среди юристовъ, и не только въ XIX в., но и раньше (напр., извѣстный Гоммель, авторъ появившейся въ 1770 г. работы „Ueber Belohnung und Strafe“, или Рондо, написавшій немного позже свой „Essai physique sur la peine de mort“). Можно сказать, что не только методы изслѣдованія, но и отдѣльныя положенія ученія Ломброзо примѣнялись и высказывались многими до него и раньше него: начиная съ 20-хъ годовъ XIX в. френологи Галль, Данквардтъ, Арамберъ, Карусъ пытаются установить связь явленій преступности съ анатомическими особенностями организма, статистики (Кетле, Герри и др.) отмѣчаютъ вліянія на преступность пола, возраста и условій соціальной среды, въ 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ годахъ антропологи, анатомы и психіатры (Клефэмъ и Клеркъ, Касперъ, Брока, Винсловъ, Маудсли, Томсонъ, Ловернь, Деспинъ и др.) изслѣдуютъ физіономіи преступниковъ, ихъ черепа, ихъ психику и отмѣчаютъ

связь между преступленіемъ съ одной стороны и душевными болѣзнями, идіотизмомъ, эпилепсіей и вырожденіемъ—съ другой. Въ то же самое время и среди юристовъ развивается самокритика, старые приемы метафизическихъ построеній рѣшительно отвергаются и смѣняются позитивными методами изслѣдованія съ привлеченіемъ къ разработкѣ, наблюденію и изученію не только дѣйствующаго положительнаго права, но и матеріаловъ историческихъ, и съ обращеніемъ за помощью не только къ статистическимъ приемамъ (какъ это дѣлалъ у насъ въ Россіи Неклюдовъ), но и къ медицинскому, психологическому и психіатрическому изслѣдованію въ тѣхъ случаяхъ, когда это оказывалось необходимымъ. Въѣсть съ тѣмъ начинаютъ все болѣе и болѣе обращать вниманіе на личность преступника; признаніе законмѣрности человѣческой дѣятельности вообще и преступной въ частности входитъ мало-помалу въ кругъ аксіомъ (работы Джона Стюарта Милля), а въ связи съ этимъ подвергается критикѣ и система наказаній, въ особенности разные типы тюремнаго заключенія, какъ основанія всей дѣйствующей системы, при чемъ такого рода критика выходитъ даже за предѣлы специально-юридическаго изслѣдованія и популяризуется, напр., въ сочиненіяхъ такого писателя, какъ Диккенсъ, который не упускаетъ случая посмѣяться надъ лицемеріемъ, ханжествомъ и полной негодностью нѣкоторыхъ пенитенціарныхъ опытовъ.

Все это какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о томъ, что почва для появленія ученій Ломброзо была достаточно подготовлена и самый успѣхъ такихъ ученій былъ до извѣстной степени обезпеченъ. Заслуга самого Ломброзо этимъ нисколько не умаляется, потому что именно ему и его работамъ суждено было сконцентрировать новыя теоріи, дать имъ необычайно полную научную или, что случалось нерѣдко, quasi-научную обработку и вызвать цѣлую литературу, цѣлое движеніе въ сферѣ науки уголовного права. Если у Галля, Деспина и Мореля мы находимъ уже въ готовомъ видѣ почти всѣ основныя положенія и главные элементы антрополого-позитивной теоріи Ломброзо и если у юристовъ и моральныхъ статистиковъ, у филантроповъ (Робертъ Оуэнъ), матеріалистовъ и представителей социализма мы отмѣчаемъ основныя социологическія предпосылки, встрѣчаемъ группировку фактовъ и выводовъ, характерныхъ для социальнаго ученія Ломброзо,—то все же послѣдняя четверть XIX в. въ наукѣ уголовного права характеризуется

именно какъ эпоха новыхъ ученій и бурной борьбы, которая связывается съ именемъ Ломброзо и съ именами представителей той школы (Ферри, Гарофало и др.), какая возникла въ Италіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ изслѣдованій Ломброзо и его личной неутомимой пропаганды новыхъ идей и, если угодно, новыхъ вѣрованій.

Фанатикъ мысли и слова, увлекающійся одной идеей до забвенія всего остального, неутомимый собиратель фактовъ и наблюденій, организаторъ изслѣдованій и активный участникъ научныхъ сѣздовъ, учредитель и основатель журналовъ, вѣчно подвижный, бывавшій въ разныхъ странахъ и печатающій свои работы на разныхъ языкахъ,—Ломброзо былъ природнымъ вождемъ и главою цѣлой секты ученыхъ проповѣдниковъ новой вѣры и новой науки.

Труды Ломброзо весьма многочисленны. Появлялись они безпрерывно почти до самой его смерти и въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, брошюръ, замѣтокъ, и въ видѣ журнальныхъ статей, и въ видѣ докладовъ на ученыхъ сѣздахъ или конгрессахъ. Для юристовъ главное значеніе имѣютъ изслѣдованія о „Преступномъ человѣкѣ“, о „Женщинѣ, какъ преступницѣ и проституткѣ“, о „Политической преступности“ и объ „Анархистахъ“. Каждое изъ этихъ сочиненій выдержало по нѣсколько изданій и переведено на важнѣйшіе европейскіе языки (отчасти и на русскій). Главное сочиненіе—„Преступный человѣкъ“—выдержало въ Италіи шесть изданій и нѣсколько разъ переиздавалось во французскомъ и нѣмецкомъ переводахъ. Послѣднее изданіе расширено до трехъ объемистыхъ томовъ и включаетъ въ себѣ, такъ сказать, итоги всѣхъ прочихъ работъ какъ самого Ломброзо, такъ даже отчасти и его учениковъ и послѣдователей, насколько Ломброзо соглашается съ ними при изученіи социальныхъ факторовъ преступности и опирается на ихъ данныя и выводы въ томъ третьемъ томѣ „Преступнаго человѣка“, который специально посвященъ изученію этихъ факторовъ.

Вмѣсто юридической конструкціи и анализа правовыхъ нормъ въ своихъ работахъ Ломброзо обращается къ изученію и изслѣдованію самого преступника. Его интересуется преступный человѣкъ. Само по себѣ преступленіе ничего не говоритъ и не доказываетъ даже, что именно въ данномъ случаѣ умѣстно примѣненіе какихъ бы то ни было карательныхъ мѣръ. Значеніе преступленія опредѣляется всецѣло тѣмъ, кто его совершилъ, кто является виновни-

комъ и преступникомъ. Изучайте личность этого преступника— изучайте не отвлеченно, не абстрактно, не въ тиши вашего кабинета, не по книгамъ и теоріямъ, а въ самой жизни: въ тюрьмахъ и въ больницахъ, въ полицейскихъ участкахъ, въ ночлежныхъ домахъ, среди преступныхъ обществъ и шаякъ, въ кругу бродягъ и проституткокъ, алкоголиковъ и душевно-больныхъ, въ обстановкѣ ихъ жизни, въ условіяхъ ихъ матеріальнаго существованія. Тогда вы поймете, что преступленіе не есть случайное явленіе и не продуктъ „злой воли“, а вполне естественный и наказаніемъ не предотвратимый актъ. Преступникъ—существо особенное, отличающееся отъ другихъ людей. Это своеобразный антропологическій типъ, который побуждается къ преступленію въ силу естественныхъ свойствъ и особенностей своей организаціи. Поэтому и преступленіе въ человѣческомъ обществѣ такъ же естественно и неизбежно, какъ во всемъ органическомъ мірѣ. Совершаютъ преступления и растенія, которыя убиваютъ и поѣдаютъ насѣкомыхъ. Животныя обманываютъ, крадутъ, разбойничаютъ и грабятъ, убиваютъ и пожираютъ другъ друга. Одни изъ животныхъ отличаются кровожадностью, другія—любостыжательностью. Сороки совершаютъ кражи съ замѣчательной ловкостью и хитростью. Обезьяны составляютъ даже нѣчто въ родѣ сообществъ для этой цѣли. Извѣстна собака, которая ночью снимала съ себя намордникъ и похищала овецъ изъ стада, а потомъ, чтобы скрыть слѣды преступленія, мылась въ водѣ, вновь надѣвала намордникъ и ложилась на свое мѣсто. Но не одинъ голодъ побуждаетъ животныхъ совершать преступления. Любовь и страсти, ненависть и гнѣвъ вызываютъ у животныхъ тѣ же насильственные дѣйствія, какія въ этихъ случаяхъ совершаются и людьми. Среди животныхъ встрѣчаются преступники алкоголики и даже преступники прирожденные; напримѣръ, бываютъ слоны преступнаго типа или лошади съ ненормальнымъ черепомъ, злыя и порочныя, которыхъ Арабы не допускаютъ въ свои табуны. Преступники среди животныхъ этого типа совершаютъ дѣянія жестокія и кровавыя подъ вліяніемъ условій органическихъ.

У первобытныхъ людей и среди дикихъ племенъ, по мнѣнію Ломброзо, преступленіе составляетъ самый обычный, самый нормальный способъ дѣйствія и поведенія, а преступники встрѣчаются на каждомъ шагу, и никто ихъ не только не наказываетъ, но даже и не порицаетъ. Даже миѳологія, эта доисторическая наука,

заставляет нас присутствовать при триумфѣ преступленія на небѣ существуютъ боги прелюбодѣевъ и убійць (отцеубійць, дѣтоубійць), богини воровъ и разнообразныхъ плотскихъ преступленій. На каждомъ шагу дикарь совершаетъ преступленія. Онъ воруетъ, обманываетъ, поджигаетъ, похищаетъ и насилуетъ женщинъ, въ особенности онъ убиваетъ--убиваетъ по самымъ разнообразнымъ побужденіямъ: убиваетъ дѣтей и женщинъ, больныхъ и стариковъ, чтобы избавиться отъ лицъ, которыя неспособны къ труду или къ войнѣ, убиваетъ изъ мести или въ борьбѣ, по требованіямъ религіи или по простому капризу, ради славы или для удовлетворенія своего аппетита, потому что человѣческое мясо очень цѣнится и считается очень вкуснымъ. „Вы можете утверждать, что это дурно, сказала одному европейскому миссіонеру дикарь, но не говорите, что это невкусно“. Убиваютъ и пожираютъ трупы убитыхъ не только впрочемъ изъ побужденій гастрономическихъ, но и по требованіямъ религіи или по судебному приговору. Съѣсть своего отца или мать считается иногда обязательнымъ, и объ этомъ, случается, просятъ престарѣлые родители у своихъ почтительныхъ сыновей. Прелюбодѣй убивается и немедленно съѣдается, при чемъ самый вкусный кусокъ достается оскорбленному въ своихъ чувствахъ супругу.

Подобно дикарямъ и дѣти представляютъ любопытный матеріалъ для наблюденій, такъ какъ, по мнѣнію Ломброзо, они соотвѣтствуютъ первобытному человѣческому типу и у нихъ мы можемъ отчасти наблюдать тѣ же явленія, какія столь характерны для низшихъ ступеней человѣческой культуры.

Наблюденія надъ растеніями, животными, дикарями и дѣтьми заставляютъ Ломброзо видѣть въ преступленіи явленіе совершенно естественное, корни котораго уходятъ въ глубь вѣковъ и вросли въ самыя основанія психо-физической организаціи человѣка. Дикія, кровожадныя и хищныя склонности первобытныхъ людей, т. е. нашихъ предковъ и прародителей, благодаря наследственности и атавизму проявляются иногда у самыхъ отдаленныхъ потомковъ, и тогда первобытный дикарь обнаруживается среди культурнаго общества: это и будетъ типическій преступникъ, „преступникъ прирожденный“, тотъ „delinquente nato“, который является центральной фигурой у Ломброзо, который имъ открытъ или изобрѣтенъ, которому посвящена большая часть его работъ. Этотъ преступникъ представляетъ изъ себя своеобразный антропологическій типъ, онъ

имѣть совершенно особую психо-физическую организацію, онъ преступень не потому, что совершаетъ какія-то запрещенныя дѣянія, но потому, что самый организмъ его въ корнѣ порочень. Его дѣянія—это только вполнѣ естественныя проявленія его порочнаго организма. Клеймо Каина и печать проклятія лежитъ на прирожденномъ преступникѣ. Мы узнаемъ его, если изучимъ его патологическую анатомію и атропометрію, біологію и психологію, если установимъ особенныя свойства его скелета, черепа, мозга, сердца и печени, фізіономіи и разныхъ органовъ тѣла, если сумѣемъ отмѣтить свойства его пульса, температуры, тѣлесной чувствительности и интеллекта, если вникнемъ въ его привычки, болѣзни, страсти, языкъ, писанія и литературу, суевѣрія и религію, обычаи и пороки, искусства и ремесла.

Наблюдая и изучая преступника въ указанныхъ отношеніяхъ, Ломброзо даетъ слѣдующую характеристику типа прирожденного преступника на основаніи своихъ собственныхъ и чужихъ изслѣдованій надъ 383 черепами умершихъ и 3839 черепами живыхъ, а равно надъ 26804 субъектами, которые были подвергнуты изученію въ разнообразныхъ отношеніяхъ.

У прирожденного преступника черепъ ненормальный. Онъ напоминаетъ черепа низшихъ доисторическихъ человѣческихъ расъ. Черепа воровъ отличаются меньшей вмѣстимостью, у убійць они бываютъ иногда очень вмѣстительными. Воры принадлежатъ къ типу длинноголовыхъ, убійцы же отличаются короткоголовіемъ. Въ обоихъ случаяхъ можно наблюдать сходство мужского черепа съ женскимъ, узкій и скошенный лобъ, асимметрію глазныхъ впадинъ и чрезмѣрное развитіе челюстей. Мозгъ прирожденного преступника по своимъ извилинамъ во многихъ случаяхъ отличается отъ мозга нормального человѣка и приближается къ строенію мозга у человѣческаго зародыша или у животнаго. Фізіономія прирожденного преступника въ высшей степени характерна, если имѣть въ виду не отдѣльныхъ лицъ, а массовыя наблюденія. Каждой формѣ преступности соотвѣтствуетъ почти своя специальная фізіономія. У изнасилвателей глаза на выкатѣ, лицо нѣжное, губы и рѣсницы огромныя, большинство изъ нихъ сухопарые и рахитическіе блондины, иногда горбатые. Педерасты отличаются женственнымъ изяществомъ, длинными и кудреватыми волосами, нѣжной кожей, дѣтскимъ видомъ. Тѣ же черты встрѣчаются иногда и у поджигателей. Преду-

мышленные убійцы и воры со взломомъ имѣютъ курчавые волоса, уродливый черепъ, огромныя скулы и челюсти, при этомъ они покрыты рубцами и татуировкою. Обычныя убійцы отличаются взглядомъ стекловиднымъ, холоднымъ, неподвижнымъ, ихъ глаза налиты кровью, орлиный носъ часто загнутъ книзу и громаденъ, какъ у хищной птицы, челюсти сильныя, уши длинныя, скулы широкія, волосы курчавые, темные, обильныя, но борода рѣдкая, развитыя клыки и тонкія губы. Виновные въ подлогахъ и въ мошенничествахъ нерѣдко обладаютъ добродушной фізіономіей, какая бываетъ у лицъ духовнаго званія (это внушаетъ къ нимъ довѣріе у ихъ жертвъ), лицо у такихъ преступниковъ бываетъ блѣдное, глаза суровые и очень маленькіе, носъ кривой, голова преждевременно лысая, напоминающая своимъ видомъ голову старой женщины. Вообще же многіе преступники обладаютъ торчащими ушами, обиліемъ волосъ на головѣ, рѣдкой бородой, огромными челюстями, четырехугольнымъ и выдающимся подбородкомъ, широкими скулами, частыми тѣлодвиженіями.—словомъ сказать, это типъ, который напоминаетъ монгола, а иногда и негра.

Продолжая свои наблюденія, Ломброзо отмѣчаетъ, что преступники съ рыжими волосами встрѣчаются очень рѣдко. Чаще всего совершаютъ преступленія брюнеты и шатены, первые предпочитаютъ воровать или заниматься поджогами, вторые болѣе опасны—они склонны наносить раны и даже убивать. Блондины же—природные изнасилватели и мошенники. Что касается преступныхъ носовъ и носовъ нормальныхъ, счастливые обладатели которыхъ могутъ не опасаться, что совершатъ преступленіе, то Ломброзо полагаетъ, что подозрительны носы съ прямолинейнымъ профилемъ и уклоненнымъ направленіемъ. Длина, ширина и выпуклость подобныхъ носовъ характерны при установленіи различныхъ типовъ преступниковъ: у воровъ носы короткіе, широкіе, притомъ вздернутые или приплюснутые, у изнасиловалей приплюснутые, но кривые и среднихъ размѣровъ, у убійцъ большіе и крючковатые. Отдѣльные типы прирожденныхъ преступниковъ отличаются между собой даже по почерку. Почеркъ убійцъ, разбойниковъ и грабителей отличается удлиненіемъ буквъ, криволинейностью и опредѣленностью чертъ какъ въ верхнихъ, такъ и въ нижнихъ окончаніяхъ буквъ. Почеркъ воровъ даетъ буквы расширенныя, безъ острыхъ очертаній и криволинейныхъ окончаній. Преступницы приближаются по почерку къ мужчинамъ. Но вообще преступность женщинъ не очень велика, по-

тому что прирожденная преступница женщина становится проституткой, и въ проституціи находятъ исходъ темныя силы, которыя при другихъ условіяхъ толкнули бы ее на путь широкой преступности.

Подобно дикарямъ прирожденные преступники любятъ татуировать свое тѣло. Дикарей же они напоминаютъ своей притупленной чувствительностью, которая однакоже не исключаетъ повышенной впечатлительности относительно нѣкоторыхъ внѣшнихъ воздѣйствій. Въ общемъ можно сказать, что они обладаютъ ослабленной чувствительностью относительно боли, зато воспримчивы къ впечатлѣніямъ, возбуждающимъ страсти. Пониженная чувствительность прирожденныхъ преступниковъ относительно боли обуславливаетъ ихъ равнодушіе къ чужой и къ собственной жизни, а равно объясняетъ и ту жестокость или тѣ чрезмѣрныя насилія, какія совершаются ими ради удовлетворенія порывовъ ихъ страстей. Пониженная чувствительность относительно физическихъ страданій у преступниковъ совпадаетъ, по мнѣнію Ломброзо, съ притупленностью нравственнаго чувства, лишаящую ихъ способности сознавать безнравственность своихъ поступковъ, ощущать раскаяніе и стремиться къ исправленію. Прирожденный преступникъ равнодушенъ къ собственной жизни и страданіямъ другихъ. Отсюда отсутствіе здороваго стремленія къ самосохраненію и частые случаи самоубійства. Мстительность, тщеславіе, хвастливость, склонность къ спиртнымъ напиткамъ, къ азартнымъ играмъ, къ чувственнымъ наслажденіямъ, необычайный эгоизмъ—всѣ эти черты характера проявляются съ ранняго возраста. Вмѣстѣ съ тѣмъ частые рецидивы преступленія свидѣлствуютъ о неисправимости. Сила разсудка у преступниковъ также ниже средняго уровня. Тѣ изъ нихъ, которые проявляютъ ббльшее развитіе ума, отличаются главнымъ образомъ хитростью и изворотливостью. Легкомысліе и прихотливость заступаютъ мѣсто предусмотрительности и послѣдовательности. Степень образованія преступниковъ большею частію низкая.

Все это сближаетъ преступника съ дикаремъ и говоритъ въ пользу атавистическаго происхожденія явленій преступности въ современномъ обществѣ. Но типъ прирожденнаго преступника одними только вліяніями атавизма не объясняется, такъ какъ онъ слишкомъ сложенъ и обнаруживается въ самыхъ разнообразныхъ разновидностяхъ и модификаціяхъ. Прирожденный преступникъ есть вмѣстѣ

съ тѣмъ человѣкъ больной: онъ соединяетъ въ себѣ черты нравственно помѣшаннаго и эпилептика. Происхожденіе (генезисъ) прирожденнаго преступника проще всего объясняется, какъ явленіе вырожденія физическаго и психическаго, какъ необходимое слѣдствіе болѣзненной наслѣдственности, которая, прогрессивно увеличиваясь, идетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію до тѣхъ поръ, пока не наступаетъ безплодіе.

Разумѣется, вся область преступнаго не исчерпывается типомъ прирожденнаго преступника. Прирожденныхъ преступниковъ всего около 40%, остальные относятся къ инымъ типамъ и категоріямъ, а именно: существуютъ преступники по страсти, преступники помѣшанные разныхъ отгѣнковъ (въ частности алкоголики, истерики и маттоиды) и, наконецъ, преступники случайные (псевдо-преступники, криминалоиды и преступники привычки). Если выдѣлить преступниковъ по страсти и псевдо-преступниковъ, т. е. лицъ виновныхъ въ нарушеніи формальныхъ запретовъ закона, которые по существу не должны считаться преступленіями,—то въ сущности всякій даже не-прирожденный преступникъ представляетъ изъ себя только извѣстную степень, только извѣстную градацію или смягченіе тѣхъ органическихъ признаковъ, какими характеризуется *delinquente nato*. Поэтому во всѣхъ случаяхъ индивидуальныя свойства и органическія особенности являются существеннымъ факторомъ преступности.

Однакоже преступность опредѣляется и другими факторами—физическими и социальными. Чѣмъ болѣе смягчено вліяніе условій органическихъ, тѣмъ сильнѣе сказывается воздѣйствіе причинъ физическихъ и социальныхъ. Даже для прирожденнаго преступника онѣ имѣютъ значеніе: при благопріятныхъ условіяхъ и прирожденный преступникъ попадаетъ въ разрядъ преступниковъ скрытыхъ, не имѣющихъ случая или внѣшняго повода проявить себя въ преступленіи.

Изученію всѣхъ этихъ факторовъ преступности Ломброзо посвящаетъ третій томъ своего „Преступнаго человѣка“, въ которомъ излагаетъ этиологію преступленія, его профилактику и терапію и, наконецъ, касается вопроса о мѣрахъ карательныхъ. Этотъ томъ сочиненія Ломброзо вышелъ на французскомъ языкѣ въ видѣ отдѣльной книги, озаглавленной „Преступленіе, его причины и средства“. Дѣйствительно, съ „Преступнымъ человѣкомъ“ онъ имѣетъ только

внѣшнюю связь и въ области соціологическаго изслѣдованія Ломброзо менѣе самостоятеленъ.

Въ этиологіи преступленія Ломброзо отмѣчаетъ вліянія климата, температуры, время года, почвы и расы, цивилизаціи и образованія, пола и возраста, богатства и бѣдности и т. д., и т. д. Нерѣдко приводитъ примѣры изъ русской жизни, упоминаетъ даже о Кіевѣ („Kieff“ франц. изд.). Напримѣръ, онъ говоритъ, что благодаря жаркому климату здѣсь не испытываютъ особенной нужды ни въ топливѣ, ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, поэтому и жители въ такихъ условіяхъ склонны къ бездѣйствію, а бездѣйствіе благоприятствуетъ мягкому созерцательному настроенію и преувеличенному обожанію, т. е. фанатизму религіозному и деспотическому, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ эксцессы разврата, которые чередуются съ крайнимъ суевѣріемъ, подобно тому какъ самый звѣрскій абсолютизмъ смѣняется самой необузданной анархіей. Дальнѣйшія наблюденія, приводятъ Ломброзо между прочимъ къ убѣжденію, что всякая цивилизація имѣетъ свои преступленія. У насъ въ условіяхъ современной жизни обнаруживаются двѣ параллельныя формы преступности: преступность атавическая и преступность эволютивная. Первая знаменуетъ собою возвратъ къ актамъ дикаго насилія, къ убійствамъ и изнасилованіямъ. Вторая есть продуктъ самой культуры и выражается въ хитрости и обманахъ. Первая свойственна низшимъ классамъ, вторая—вышнимъ. Героемъ первой является прирожденный преступникъ, дѣйствующій съ помощью силы своихъ мускуловъ и прибѣгающій къ бунту, убійству, динамиту. Чтобы познакомиться съ дикаремъ намъ вовсе не нужно предпринимать далекихъ путешествій, достаточно спуститься на низы соціальной лѣстницы. Верхніе слои даютъ интригановъ, обманщиковъ и мошенниковъ, которые выманиваютъ у публики деньги. Низшіе слои невѣжественной бѣдности поставляютъ разныхъ анархистовъ и участвуютъ въ демонстраціяхъ и бунтахъ. Въ общемъ можно сказать, что убійства и кражи преобладаютъ среди неграмотныхъ, люди же образованные и полуобразованные совершаютъ изнасилованія, мошенничества и политическія преступленія. Впрочемъ политическіе преступники бываютъ различные.

Слѣдуетъ отличать революціи отъ бунтовъ и анархическихъ посягательствъ. Революція по терминологіи Ломброзо это—процессъ естественнаго развитія, переворотъ, совершающійся медленно, по-

степенно, неизбежно и при содѣйствіи исключительныхъ личностей или особыхъ историческихъ событій (напр., реформа Петра В. въ Россіи). Бунты же и анархическія посягательства представляются явленіями патологическими, искусственными и насильственными. Здѣсь обнаруживается преступность атакическая, часто выступаютъ въ качествѣ дѣятелей лица помѣшанныя и типическіе прирожденные преступники. Къ нимъ присоединяются импульсивныя натуры, которыя не сдерживаются нормальнымъ чувствомъ средняго человека, не позволяющимъ ему прибѣгать къ покушеніямъ на правителей, къ убійствамъ или поджогамъ для достиженія своихъ цѣлей. Въ особенности много прирожденныхъ преступниковъ и помѣшанныхъ среди анархистовъ, не мало встрѣчаемъ мы ихъ также въ эпоху французской революціи (напр., въ 1793 г.), затѣмъ во время движенія 1848 г., во дни Парижской коммуны 1871 г.

Въ числѣ весьма важныхъ факторовъ преступности Ломброзо называетъ и современную систему наказаній, въ особенности тюремное заключеніе, которое только развращаетъ, научаетъ совершать преступныя дѣянія и помогаетъ преступникамъ вступать въ сношенія другъ съ другомъ, чтобы затѣмъ организовывать преступныя сообщества. Тюрьма для преступника—желанное убѣжище: тамъ его лучше содержать, чѣмъ живетъ обыкновенный честный работникъ или крестьянинъ. Поэтому многіе преступники хвалятъ тюрьму и называютъ ее „обѣтованной землей“ и „даровой гостиницей“.

Чтобы успѣшно бороться съ преступностью необходимо отрѣшиться отъ многихъ предразсудковъ, порожденныхъ отвлеченной теоріей, и совершенно измѣнить всю нашу карательную систему. Преступленіе слѣдуетъ разсматривать, какъ социальное зло, наказаніе—какъ средство социальной защиты. Для дѣйствительности этой защиты прежде всего необходимо упростить судебные порядки и усилить репрессію въ смыслѣ бѣльшаго обезпеченія общества отъ лицъ, для него опасныхъ. Необходимо уничтожить суды присяжныхъ и упростить формальности процесса, сократить возможность обжалованія приговоровъ и помилованія обвиняемыхъ, въ особенности же слѣдуетъ отрѣшиться отъ предразсудка всякое сомнѣніе толковать въ пользу подсудимаго. Правильнѣе будетъ принять какъ разъ обратное: потому что даже ничтожная рана, даже простая угроза со стороны прирожденного преступника свидѣтельствуютъ въ достаточной степени объ его опасности и о необходимости принять по отношенію къ нему достаточныя обезпечительныя мѣры. Нѣтъ ни-

какой необходимости ожидать, чтобы онъ дѣйствительно убилъ или отравилъ кого-нибудь. Среди наказаній Ломброзо признаетъ допустимыми, въ зависимости отъ разныхъ категорій преступниковъ, слѣдующія: смертную казнь, помѣщеніе въ особыя колоніи и пріюты въ видахъ полной и иногда пожизненной изоляціи преступника отъ общества, затѣмъ прогрессивное тюремное заключеніе, наказанія тѣлесныя (напр., отрѣзаніе косъ у женщинъ, дѣши и под.), денежныя пени, залого, выговоры, ссылку и изгнаніе, домашній арестъ и вознагражденіе потерпѣвшаго. По опредѣленію суда, въ которомъ принимаютъ участіе антропологи и врачи, прирожденные преступники и помѣшанные помѣщаются въ особые пріюты или колоніи, при чемъ не опредѣляется срокъ ихъ освобожденія и они остаются тамъ подъ наблюденіемъ судебного персонала впредь до того времени, когда можно будетъ признать, что они болѣе не опасны для общества. Въ крайнихъ случаяхъ прирожденный преступникъ долженъ быть преданъ смертной казни. Только ложная гуманность заставляеть насъ забывать о страданіяхъ жертвы преступленія и объ интересахъ обезпеченія всего общества и отвергать столь цѣлесообразную мѣру, какъ полное уничтоженіе такого зловреднаго и ужаснаго животнаго, какимъ иногда является прирожденный преступникъ, стоящій ниже самаго первобытнаго дикаря.

III.

Въ изложенныхъ нами теоріяхъ Ломброзо заключается все то, что наиболѣе существенно и характерно для его различныхъ трудовъ и въ особенности для его изслѣдованія о „Преступномъ человѣкѣ“. Еще въ концѣ 70-ыхъ годовъ о Ломброзо говорили немного и имя его было почти неизвѣстно. Но въ 80-ыхъ и въ 90-ыхъ годахъ его теоріи получили самое широкое распространеніе и на всѣхъ языкахъ породили громадную литературу, въ частности и у насъ въ Россіи въ лицѣ г. Дриля мы имѣемъ талантливаго ученика и послѣдователя Ломброзо, а покойный Закревскій и проф. Вульффертъ дали превосходныя критическія изслѣдованія о Ломброзо и другихъ писателяхъ вновь народившейся антрополого-позитивной школы уголовного права. Заслуги Ломброзо оцѣниваются различно: въ то время какъ, напримѣръ, г. Кулишеръ на страницахъ октябрьской книжки „Русской Мысли“ 1909 г. объявляетъ Ломброзо мировымъ геніемъ и чуть ли не чудомъ XIX в., Луккини и Топинаръ под-

8694
вергають безпощадной критикѣ теорію прирожденнаго преступника и, можно сказать, не оставляють камня на камнѣ отъ всего зданія, воздвигнутаго съ такимъ стараніемъ. Противъ Ломброзо высказались и всѣ конгрессы уголовной антропологіи 80-ыхъ и 90-ыхъ годовъ, специально занимавшіеся разборомъ новаго ученія: Римскій 1885 г., Парижскій 1889 г. и, въ особенности, Брюссельскій 1892 г. „Этотъ конгрессъ былъ кульминаціонной точкой рѣзкаго, критически-отрицательнаго отношенія къ доктринѣ Ломброзо, говоритъ одинъ изъ участниковъ конгресса: здѣсь происходило не что иное, какъ торжественныя похороны Ломбровознаго преступнаго чловѣка со всѣми его атрибутами“. Итоги этого конгресса резюмируются, между прочимъ, въ двухъ положеніяхъ: 1) объявляется полное отрицаніе преступнаго типа и прирожденнаго преступника и 2) единогласно признается научное ничтожество—„inanité“—Ломбровознаго доктрины. Тѣмъ не менѣе въ общемъ значеніе уголовной антропологіи не только не отрицается, но выражаются пожеланія болѣе сблизить съ нею науку уголовнаго права и построить антропологическія изслѣдованія на болѣе прочныхъ основаніяхъ.

Работы Ц. Ломброзо представляются несомнѣнно талантливыми и оригинальными, вліяніе его весьма значительное. Рядъ критическихъ замѣчаній о недостаткахъ современной карательной системы, о необходимости относиться съ большимъ вниманіемъ къ личности преступника, объ индивидуализаціи наказанія и различеніи среди преступнаго міра особыхъ классовъ преступниковъ случайныхъ и преступниковъ привычки, о слабости уголовной репрессіи, часто не удовлетворяющей элементарнымъ требованіямъ общественной безопасности, наконецъ, о недостаточности многихъ мѣръ предупрежденія преступленій, совершаемыхъ рецидивистами и душевно-больными,—все это несомнѣнно можетъ и должно быть поставлено въ заслугу Ломброзо. И если онъ въ своей критикѣ и указаніи средствъ борьбы съ возрастающей преступностью не всегда являлся „новаторомъ“ и дѣлалъ заимствованія у другихъ писателей (въ частности и у юристовъ), то все же онъ умѣлъ широко пропагандировать и популяризовать тѣ идеи и тѣ мысли, которыя безъ рѣзкой ихъ постановки въ новыхъ работахъ антрополого-позитивной школы уголовнаго права никогда бы не получили столь обширной, оживленной и глубокой обработки въ литературѣ, какую онѣ имѣютъ теперь.

Недостатки работъ Ломброзо выяснены уже въ наукѣ съ достаточной полнотою и обстоятельностью. Мы не можемъ разсмотрѣть ихъ здѣсь полностью и даже невозможно перечислить всѣ возраженія, какія были сдѣланы противъ его наблюденій, выводовъ и теорій. Всѣ они группируются возлѣ трехъ пунктовъ. Во-первыхъ, наблюденія Ломброзо часто оказываются въ высшей степени неточными, сообщаемые имъ факты невѣрными, заключенія ни на чемъ не основанными. Во-вторыхъ, съ точки зрѣнія антропологической и медицинской его теоріи атавизма и вырожденія, нравственнаго помѣшательства и эпилепсіи, прирожденной и болѣзненной преступности представляются не только въ отдѣльности неправильными, но и не соединимыми, какъ взаимно другъ друга отрицающія и уничтожающія. Въ-третьихъ, съ юридической точки зрѣнія его построеніе понятія преступления и преступника совершенно случайно и субъективно, такъ какъ забываетъ ту связь, которая существуетъ между этими понятіями и ихъ обрисовкой въ законахъ, и оперируетъ надъ совершенно произвольными категоріями явленій въ времени и пространства.

Но, конечно, не эти недостатки дѣлаютъ имя Ломброзо извѣстнымъ и весьма популярнымъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ломброзо пріѣзжалъ въ Россію, привималъ участіе въ работахъ Международнаго съѣзда врачей въ Москвѣ и посѣтилъ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ. Извѣстенъ одинъ эпизодъ изъ этого пребыванія Ломброзо у великаго старца. Пошли они купаться. Левъ Николаевичъ спрашиваетъ своего гостя, умѣетъ ли онъ плавать. Тотъ говоритъ, что умѣетъ, смотритъ на Льва Николаевича и продѣлываетъ съ точностью все, что дѣлаетъ послѣдній. Л. Н. Толстой взлѣзъ на наружную доску, бросился въ воду и поплылъ. Ц. Ломброзо за нимъ. „Но оборачиваюсь я назадъ, — говоритъ Левъ Николаевичъ, — и вижу, барахтается мой старичекъ въ водѣ и что-то ничего у него не выходитъ“. Левъ Николаевичъ помогъ ему выйти. Ломброзо захыхался, но въ восторгѣ отъ купанія. Чтобы согрѣться послѣ купанія, Левъ Николаевичъ поднялся нѣсколько разъ на мускулахъ, Ломброзо тоже повисъ на перекладинѣ, но подняться, однако, не могъ... Своимъ пріѣздомъ онъ доставилъ Л. Н. Толстому значительное удовольствіе. „Я, — говорилъ впоследствии Левъ Николаевичъ, — представлялъ его инымъ — фанатикомъ науки. Онъ вовсе не таковъ“.

Это мнѣніе Льва Николаевича Толстого не согласуется съ общимъ характеромъ трудовъ и научной дѣятельности Ломброзо, въ которомъ было много фанатизма и который съ отвагой настоящаго фанатика пускался вплавъ изслѣдовать безбрежное море фактовъ новой науки и новыхъ областей знанія.

На нашъ взглядъ важнѣйшая заслуга Ломброзо заключается въ томъ, что онъ выдвинулъ вопросъ о значеніи антропологическихъ факторовъ преступности и, разрабатывая этотъ вопросъ, собирая матеріалы и строя ошибочныя гипотезы, производя массовыя наблюденія и дѣлая ложные или парадоксальные выводы, возбудилъ общее вниманіе и даже при критическомъ или совершенно отрицательномъ отношеніи къ себѣ своихъ противниковъ заставилъ ихъ пройти трудную школу антропологическихъ изысканій и согласиться съ принципиальной полезностью и неизбѣжностью такой работы при научномъ изслѣдованіи вопросовъ о преступленіи и наказаніи. Уголовная антропологія еще только зарождается, ея будущность возбуждаетъ большія надежды, предѣлы ея выводовъ предугадывать трудно и нельзя предсказывать возможныхъ и блестящихъ ея открытій, но зато мы и будущіе труженики науки всегда будемъ вспоминать Ломброзо, какъ основателя уголовной антропологіи, который много ошибался, потому что много работалъ и увлекался тѣмъ, надъ чѣмъ работалъ.

